

У. Найссер

Познание и реальность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
У11

У11 **У. Найссер**
Познание и реальность / У. Найссер – М.: Книга по Требованию, 2013. –
232 с.

ISBN 978-5-458-36942-8

Книга представляет собой классический труд в области когнитивной психологии. Как отмечает сам автор, профессор Корнеллского университета Улрик Найссер, эта книга посвящена в первую очередь восприятию. Но речь идет не о примитивной схеме перцепции. Найссер вновь и вновь подчеркивает ошибочность понимания восприятия как цепочки блоков преобразования информации, на вход которой попадают изолированные зрительные стимулы, а на выходе получается сознательный образ. Предложенная автором трактовка человеческого восприятия идет в разрез с положениями ориентированной на физиологию теории познания, что способствует преодолению многих шаблонных представлений и открывает новые пути постижения природы человека.

ISBN 978-5-458-36942-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга принадлежит перу профессора Корнеллского университета Улрика Найссера. Международную известность ему принесло вышедшее в свет в 1967 г. руководство «Когнитивная психология», в котором впервые были обобщены результаты исследований, свидетельствующих о возникновении этого нового научного направления в психологии. За прошедшее с тех пор время когнитивная психология не только сменила бихевиоризм в качестве ведущего направления американской психологии, но и получила широкое распространение в ряде других стран¹.

Можно было бы думать, что в своей новой работе Найссер попытается дополнить проведенный им ранее анализ данными, полученными в результате бурного развития когнитивистских исследований. Однако «Познание и реальность» представляет собой книгу совершенно иного рода. Если в «Когнитивной психологии» (как и в десятках последовавших за ней монографий других авторов) ставилась задача проследить преобразования, которым подвергается информация с момента

---

¹ В советской психологической литературе анализ когнитивного подхода к изучению познавательных процессов дан в работах: Роговин М. С. Предмет и теоретические основы когнитивной психологии. В сб.: «Зарубежные исследования по психологии познания». М., 1977; Величковский Б. М. и Зинченко В. П. Методологические проблемы современной когнитивной психологии. «Вопросы философии», 1979, № 6.

попадания на рецепторные поверхности органов чувств до ее возможного использования в процессах мышления, то в новой книге Найссера интересуют прежде всего общепсихологические, философские и социальные следствия активности познания человеком окружающего мира. Результаты проведенного им теоретико-экспериментального исследования во многом расходятся с исходными постулатами самой когнитивной психологии¹.

Как отмечает сам автор, эта книга посвящена в первую очередь восприятию. Но речь идет не о той традиционной схеме перцепции, которую когнитивная психология в общих чертах заимствовала у ассоциативной психологии XIX в., заменив понятие «сетчатый образ» понятием «иконическое хранение»². Найссер вновь и вновь подчеркивает ошибочность понимания восприятия как цепочки блоков преобразования информации, на вход которой попадают изолированные зрительные стимулы, а на выходе получается сознательный образ. Познание вообще и восприятие в частности являются формами активности. Эта активность осуществляется с помощью особого рода психологических орудий (средств), которые Найссер вслед за Хэдом, Бартлеттом и Пиаже называет схемами. Последние — за исключением простейших схем сенсомоторной ориентировки — формируются в процессе обучения, продолжающегося в течение всей жизни. Опыт, знания, навыки воспринимающего оказывают критическое влияние на полноту восприятия реальных предметов и событий.

В обычных условиях человек воспринимает свое окружение, примерно зная, что можно ожидать в той или иной ситуации, предвосхищая ту информацию,

---

¹ Найссер не единственный представитель когнитивной психологии, высказывающий в последнее время озабоченность положением дел внутри этого направления. См., например, Allport D. A. The state of cognitive psychology — „Quarterly Journal of Experimental Psychology“, 1975, 27, p. 141—152; Tulving E. Memory research: What kind of progress. — In: L. G. Nilsson (ed) Perspectives on memory research. Hillsdale, N. Y., 1979.

² Понятие «иконическое хранение» было предложено Найссером в его работе 1967 г. В данной книге он дает «иконическому хранению» весьма противоречивую характеристику (см. с. 67—69).

которую он еще не видит или не слышит. Схема выполняет роль плана, к которому обращаются при выполнении сложной последовательности действий, или контекста, в рамках которого читатель легко воспринимает отдельные неразборчиво написанные слова. Это, разумеется, не означает, что воспринимающий все знает заранее. Процесс познания диалектичен: восприятие реальности возможно лишь благодаря активному предвосхищению ее свойств, однако это предвосхищение в свою очередь требует дополнительной спецификации и коррекции со стороны реального окружения. Поэтому автор вводит понятие перцептивного цикла, предполагающее активное предвосхищение событий на основе существующих схем и последующую модификацию схем в процессе сбора информации. В этом циклическом взаимодействии особенно важную роль играют движения субъекта. Воспринимая незнакомый предмет, мы часто подолгу вертим его в руках, а если его размеры и вес не позволяют сделать это, мы сами обходим его с разных сторон. В процессах активного осознания восприятие и действие становятся попросту неразличимыми. Эта же связь может быть продемонстрирована и в других модальностях, если только в самом эксперименте не делается все возможное для того, чтобы максимально обездвижить испытуемого.

Переходя к исследованиям внимания, Найссер останавливается на связанном с ними вопросе о природе ограниченности возможностей наших познавательных процессов. Утверждение, что внимание избирательно, звучит почти как тавтология. Но каковы психологические механизмы этой избирательности? Обычный для когнитивной психологии ответ предполагает существование фильтров, расположенных где-то на пути из иконической памяти в кратковременную, или, что часто считают тем же самым, в сознание. Найссер справедливо отмечает, что теория фильтров создает больше проблем, чем решает. Более простое решение естественно следует из понимания восприятия как циклической, разворачивающейся во времени активности, аналогичной обычному действию: когда нечто должно быть воспринято, что-то другое, потенциально воспринимаемое, просто остается в покое, не подвер-

гаясь какой-либо «фильтрации». Точно так же если вопрос о природе ограниченности пропускной способности («емкости») восприятия и памяти рассматривается применительно к естественным условиям, а не обычным для психологического эксперимента условиям предъявления непредсказуемых сигналов, то он сводится к вопросу о перцептивном опыте и квалификации воспринимающего. То, что успевает увидеть и запомнить гроссмейстер при предъявлении на доли секунды шахматной позиции, намного превышает возможности начинающего шахматиста. При случайном же расположении фигур запоминание гроссмейстера и начинающего шахматиста оказывается примерно одинаковым. Таким образом, квалифицированный наблюдатель схватывает ситуацию как осмысленное схематизированное целое. (Не случайно при этом иногда страдает восприятие деталей: «Я не могу сказать, какие фигуры где стояли, знаю только, что позиция белых была предпочтительнее».) Поэтому возможности восприятия, внимания и памяти ограничены главным образом нашим знанием той предметной области, которая должна быть изучена.

В связи с этими теоретическими соображениями Найссер сообщает об интересном исследовании распределения внимания в ситуации «автоматического письма», результаты которого свидетельствуют о возможности одновременного семантического анализа двух различных сообщений после достаточно продолжительной предварительной тренировки. Им упоминаются и исследования так называемого «селективного смотра», служащие убедительным аргументом против теории фильтров.

Схема может быть уподоблена карте местности, с которой сверяет свой путь путешественник. Наличие когнитивных образований, ориентирующих локомоции субъекта по отношению к актуально отсутствующим в его зрительном поле ориентирам, относится к числу наиболее надежно установленных в общей и сравнительной психологии фактов. Рассматривая взаимоотношения таких более широких ориентирующих «карт» и схем, опосредующих восприятие локальных объектов и событий, Найссер выдвигает предположение, что они обычно оказываются как бы «вложенными» друг в дру-

га, что воспроизводит существующие между соответствующими фрагментами реальности пространственные отношения. Информация, которая может быть получена во время движений воспринимающего, включает как разнообразные трансформации оптических структур, роль которых для восприятия пространственного положения объектов и движений самого наблюдателя впервые была детально проанализирована Дж. Гибсоном, так и более радикальные изменения вида объектов и сцен, возникающие, например, когда мы переходим из одного помещения в другое или заворачиваем за угол дома. «Привязка» когнитивных карт к местности связана главным образом с использованием информации второго типа, как это показано Найссером на примере пространственной ориентации мореплавателей с острова Палават. Именно эти более широкие когнитивные схемы окружения и представляют собой наиболее часто упоминаемый и наименее оспариваемый вид субъективных образов окружения.

Проблема образа находится в одном из основных смысловых фокусов книги Найссера. Представляют ли собой образы лишь несколько ослабленное восприятие — своего рода «вызванные центрально ощущение», о которых писал Г.-Т. Фехнер, — как это должно было бы следовать из обычных моделей процесса переработки информации человеком? Что означает «представить себе предмет»? По Найссеру, это значит подготовиться к его восприятию. В том случае, когда ожидания оправдываются и перцептивный цикл завершается сбором примерно ожидавшейся информации, имеет место восприятие; когда же предвосхищение не дополняется сбором релевантной информации, можно говорить о субъективных образах. Таким образом, обычное восприятие и воображение имеют разную структурную основу, что и объясняет их несомненное фенографическое различие¹.

---

¹ Впечатление нереальности, картинности происходящего характерно также для таких условий зрительного восприятия, при которых благодаря использованию специальных оптических устройств создается систематическое рассогласование ожидаемых и фактических изменений оптической информации при движениях наблюдателя (см., например, Л о г в и н е н к о А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. В сб. «Восприятие и деятельность» (под ред. А. Н. Леонтьева). М., 1977

Поскольку когнитивные схемы окружения носят относительно перманентный характер и в то же время легко изменяются под влиянием новой информации, можно понять, почему они играют столь важную роль в процессах запоминания¹. Пытаясь распространить экологический подход Дж. Гибсона на область образной памяти, Найссер выдвигает предположение о независимости мнемонического эффекта образов от того, насколько наглядно представлены в них подлежащие запоминанию объекты².

Мы уже отмечали, что книга Найссера ставит проблему общественной релевантности психологических исследований. Это особенно явно выступает в заключительной главе. Здесь Найссер рассматривает вопрос о свободе и детерминированности поведения человека. Постановка этого вопроса не случайна. В основе бихевиористской программы исследований всегда лежало предположение, что возможен внешний контроль за поведением человека. В последних же работах Б. Ф. Скиннера манипулирование поведением людей с помощью психологических знаний выдвигается чуть ли ни в качестве основной задачи западной цивилизации. Найссер оптимистичен. Насколько индивидуален жизненный опыт каждого человека, настолько же невозможно точно предсказать его поступки в разнообразных ситуациях. Человек сам решает, что ему нравится и что для него имеет значение. Тот, кто хочет повлиять на его поведение, может сделать это, лишь продемонстрировав лучшие знания и умения в конкретной области деятельности. Одних только психологических знаний для этого принципиально недостаточно.

---

¹ Экспериментальные данные о возможностях запоминания естественного зрительного материала, подобного лицам, пейзажам, произведениям изобразительного искусства и т. п., содержатся в кн.: Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г. Г. Функциональная структура зрительной памяти. М., 1980.

² Эта гипотеза противоречит ряду наблюдений А. Р. Лурия, которые описаны в его книге, посвященной памяти выдающегося мнемониста Ш. В последнее время данная гипотеза стала объектом экспериментальной критики (см.: Keenan J. M., Moore R. E. Memory for images of concealed objects: A reexamination of Neisser and Kerr.—, *Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory*», 1979, v. 5 (4), p. 374—385).

Новая книга Найссера фиксирует важные тенденции развития зарубежной экспериментальной психологии. Вот уже три десятилетия это развитие происходит в рамках информационного подхода, основанного на механистической аналогии между человеком и вычислительным устройством. Впервые наивная вера в возможности точного количественного описания познавательных процессов в терминах статистической теории связи была поколеблена в середине 50-х гг., когда выяснилось, что важное значение имеет субъективная форма представления информации. В результате на первый план выступила проблема репрезентации информации (знания) в памяти, что и привело к возникновению когнитивной психологии в собственном смысле этого слова. Дальнейшие исследования показали, что в зависимости от задачи и ситуации возможна опора на различные формы репрезентации действительности (образно-пространственные, вербальные, семантические и т. д.), причем жесткие отношения между ними, постулируемые, например, в переведенных на русский язык книгах таких представителей когнитивной психологии, как Р. Кляцки, П. Линдсей и Д. Норман, отсутствуют. Это поставило под сомнение идею последовательной переработки информации, хотя оставило открытым вопрос о том, что, возможно, речь идет о вычислительном устройстве какого-то необычного типа¹. Именно для того, чтобы осознать фундаментальную природу затруднений, возникающих на пути механистического описания психических процессов, и необходимо проведение более глубокого анализа, ибо в рамках самой концепции переработки информации человеком с помощью экспериментального (гипотетико-дедуктивного) метода можно проверять лишь отдельные конкретные предположения об устройстве данного компьютера, но не правомерность самой компьютерной метафоры².

Как легко заметит читатель, вырисовывающийся

---

¹ Ср.: Pylyshyn Z. W. Computation and cognition: Issues in the foundation of cognitive science. The Behavioral and Brain Science, 1980.

² В этом отношении книга Найссера близка недавно вышедшей на русском языке книге Х. Дрейфуса «Чего не могут вычислительные машины», М., 1978.

в этой книге подход в некоторых моментах приближается к взглядам, развиваемым вот уже в течение многих десятилетий в отечественной психологии и физиологии. Начиная с работ И. М. Сеченова и Н. Н. Ланге, рефлекторная (моторная) концепция психических процессов неизменно противопоставлялась рецепторной концепции, принятие которой ведет к ряду фундаментальных философских затруднений, частично отмечаемых и Нейссером. Опираясь на диалектико-материалистические представления об активности отражения, советские ученые — П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Н. Е. Введенский, А. Р. Лурия, Д. И. Узнадзе, А. А. Ухтомский — детально разработали различные аспекты проблемы роли процессов предвосхищения будущего в регуляции практической и познавательной активности субъекта. Были проведены классические исследования моторных компонентов восприятия. К ним относятся исследования тактильно-осознательного восприятия (Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов), формирования и функционирования звуковысотного (А. Н. Леонтьев) и фонематического (В. А. Кожевников, Л. А. Чистович) слуха и, наконец, важнейшего вида сенсорной чувствительности — зрения, которое в советской психологии всегда рассматривалось прежде всего в связи с процессами деятельности (В. П. Зинченко, А. Л. Ярбус). Обобщением этих исследований явилась созданная А. В. Запорожцем, В. П. Зинченко и другими авторами в 60-х гг. теория перцептивных действий, согласно которой восприятие представляет собой систему действий и операций, прижизненно формирующихся на основе усвоения общественно-исторического опыта.

Спектр этих работ отнюдь не ограничивается одними только перцептивными процессами. Замечательные исследования произвольного запоминания, проведенные П. И. Зинченко и А. А. Смирновым, позволили, например, выдвинуть тезис о том, что общей единицей структурного, генетического и функционального анализа памяти является действие человека. Было показано, что продуктивность запоминания зависит от способов выполнения различных, в том числе и не мнестических, действий. Операциональный состав действий в таких естественных сферах человеческой

деятельности, как игровая, учебная и трудовая, образует фундамент, на котором строится здание памяти¹. Кардинальное значение имеет то обстоятельство, что именно в советской психологии Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном были заложены основы общей теории деятельности, в частности были сформулированы принципы генетического анализа деятельности и подвижности ее структурных единиц. Среди последних А. Н. Леонтьевым выделяются процессы собственно *деятельности*, подчиненные определенным мотивам, *действия*, направленные на достижение тех или иных сознательно поставленных целей, и *операции*, отвечающие условиям, в которых объективно заданы цели.

Не только обширный фактический материал, но и разработанный понятийный аппарат этих исследований в ряде случаев контрастирует с тем, что мы находим в книге Найссера. Один и тот же термин — *activity* — без дальнейших уточнений используется автором в ситуациях, где с точки зрения любых *психологических* стандартов речь идет о совершенно разных по функциональному значению и структурному положению фрагментах деятельности. Утверждение о том, что сознание представляет собой аспект активности, которым завершается пятая глава книги, конечно, является шагом вперед по сравнению с распространенными по сегодняшний день попытками поместить его в один из блоков цепи переработки информации². Однако оно явно недостаточно конкретно, а главное, не учитывает общественно-исторического происхождения этой высшей формы отражения действительности. Автор неоднократно отмечает сходство и взаимодействие процессов восприятия и действия, но эти заключения, как

---

¹ В самые последние годы близкие по типу исследования памяти стали проводиться в рамках теории уровней переработки информации Ф. Крейка и Р. Локарта. Вопрос о приоритете ранних советских исследований непроизвольного запоминания ставится, например, в следующей статье: Brown A. L. Theories of memory and the problems of development: Activity growth.—In: Cermak L. S., Craik F. I. M. (eds.) Levels of Processing in Human Memory. Hillsdale, N. Y., 1979.

² Например, Underwood G. Memory systems and conscious processes. In: Underwood G., Stevens R. (eds.) Aspects of consciousness, vol. I, London, N. Y., 1979.

правило, не идут дальше простых констатаций. Особая роль чувственно-практической деятельности (ср. генетические исследования А. Валлона, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова и др. авторов) остается при этом совершенно нераскрытой.

Следует также отметить, что центр тяжести аргументации и ее характер не позволяют автору выделить специфически человеческие формы отражения действительности. Речь идет скорее об общебиологической, или, точнее, экологической, перспективе исследований¹, в рамках которой всякая активность в конечном счете оказывается активным *приспособлением* к существующим условиям.

На наш взгляд, необходимо также сделать одно замечание методологического характера. Критика искусственности современных лабораторных исследований познавательных процессов может создать ошибочное представление о ненужности лабораторного эксперимента вообще, особенно если его проведение осложнено использованием многоканальных тахистоскопов, управляющих вычислительных машин, психофизиологической аппаратуры и т. д. Однако лабораторный эксперимент благодаря предоставляемой им возможности строгого контроля условий является единственной процедурой, позволяющей изучать *микроструктуру*² уже сформировавшихся ранее систем психических операций. (К ним, кстати, в значительной степени относятся и играющие столь важную роль в аргументации Найссера схемы.) В силу интериоризованности и автоматизированности этих процессов они оказываются недоступными для внешнего или внутреннего наблюдения. Следует подчеркнуть, что исследования операциональной микроструктуры уже

---

¹ Попытки разработки так называемой «экологической психологии» осуществляются не только в США (Дж. Гибсон и его последователи), но и в Западной Европе. См., например, G r a u m a n n К. (Hrsg.) *Ökologische Perspektiven in der Psychologie*. Bern/Stuttgart, 1978.

² Принципам микроструктурного анализа деятельности посвящены, в частности, следующие работы: З и н ч е н к о В. П. О микроструктурном подходе к исследованию познавательной деятельности. «Эргономика. Труды ВНИИТЭ», вып. 3. М., 1972; S c h e e g e r E. *Probleme der Modellierung kognitiver Prozesse: von der Funktionsanalyse zur genetischen Analyse*. Bochum, 1976.